

Журнальная литература, эта живая, свежая, говорливая, чуткая литература, так же необходима в области наук и художеств, как пути сообщения для государства, как ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочает вкусом толпы, обращает и пускает в ход всё выходящее наружу в книжном мире, и которое без того было бы, в обоих смыслах, мёртвым капиталом. Она — быстрый, своенравный обмен всеобщих мнений, живой разговор всего тиснимого типографскими станками; её голос есть верный представитель мнений целой эпохи и века, мнений, без неё бы исчезнувших безгласно. Она волею и неволею захватывает и увлекает в свою область девять десятых всего, что делается принадлежностью литературы. Сколько есть людей, которые судят, говорят и толкуют потому, что все суждения поднесены им почти готовые, и которые сами от себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили. Итак, журнальная литература, во всяком случае, имеет право требовать самого пристального внимания.

Н. В. Гоголь

— Почему вдруг в середине тридцатых годов так остро встал вопрос о литературных журналах?

— Читатели имели полное право жаловаться на скудость и постный вид наших журналов: «Телеграф» давно потерял тот резкий тон, который давало ему воинственное его положение в отношении журналов петербургских; «Телескоп» наполнялся статьями, в которых не было ничего свежего, животрепещущего. В это время книгопродавец Смирдин, давно уже известный своею деятельностью и добросовестностью, который один только, к стыду прочих недалезорких своих товарищей, показал предприимчивость и своими оборотами дал движение книжной торговле, — книгопродавец Смирдин решил издавать журнал обширный, энциклопедический, завоевать всех литераторов, сколько ни есть их в России, и заставить их участвовать в своём предприятии... С выходом же первой книжки публика ясно увидела, что в журнале господствует тон, мнения и мысли одного, что имена писателей, которых блестящая шеренга

наполнила полстраницы заглавного листка, взяты были только напрокат, для привлечения большего числа подписчиков.

— Разве эта «блестящая шеренга» писателей не догадывалась, что распорядителем журнала станет профессор арабской словесности г-н Сенковский, который потянет за собой редактора аж двух журналов («Северной пчелы» и «Сына отечества») г-на Греча?

— Главным деятелем и движущею пружиною всего журнала был г-н Сенковский. Имя г-на Греча выставлено было только для формы — по крайней мере, никакого действия не было заметно с его стороны. Г-н Греч давно уже сделался почётным и необходимым редактором всякого предпринятого периодического издания: так обыкновенно почтенного, пожилого человека приглашают в посажёные отцы на все свадьбы.

— Если бы вы знали, как со временем расплодятся эти «посажённые отцы на все свадьбы»! Не станут менее предприимчивыми и Сенковские!

*— Г-н Сенковский является в журнале своим как критик, как повествователь, как учёный, как сатирик, как глашатай новостей и проч. и проч... Как учёный, г-н Сенковский поместил довольно большую статью о сагах, статью, исполненную ипотез (так у Гоголя. — *Ред.*), не собственных, но схваченных наудачу из разных бегло прочитанных книг, ипотез, вовсе не принадлежащих русской истории.*

— Наверное, г-н Сенковский был силён в критике?

— В разборах и критиках г-н Сенковский никогда не говорил о внутреннем характере разбираемого сочинения, не определял верными и точными чертами его достоинства: критика его была или безусловная похвала, в которой рецензент от всей души тешился собственными фразами, или хула, в которой отзывалось какое-то странное

.....
1. Интервью составлено на основе статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», 1836.

ожесточение. Она состояла в мелочах, ограничивалась выпискою двух-трёх фраз и насмешкою. Ничего не было сказано о том, что предполагал себе целью автор разбираемого сочинения, как оное выполнил и, если не выполнил, как должен был выполнить. Больше всего г-н Сенковский занимался разбором разного литературного сора, множеством всякого рода пустых книг; над ними шутил, трюнил и показывал то остроумие, которое так нравится некоторым читателям.

— *Похоже, читатель с тех пор мало изменился. Равно как и критика, которой не достаёт ни профессионализма, ни личного мужества.*

— Г-н Сенковский осуждал гласно всю текущую французскую литературу. Непостижимо, как в этом случае он имел так мало сметливости и до такой степени считал простоватыми своих читателей. Неизвестно тоже, почему называл он некоторые статьи свои фантастическими. Отсутствие всякой истины, естественности и вероятности ещё нельзя считать фантастическим. Фантастические сочинения Б. Брамбеуса напоминают книги, каких некогда было очень много, как то: «Не любо — не слушай, а лгать не мешай», и тому подобные. Та же безотчётность и ещё менее устремления к доказательству какой-нибудь мысли.

— *За счёт чего так долго держался на плаву журнал г-на Греча?*

— «Северная пчела» заключала в себе официальные известия и в этом отношении выполнила своё дело. Она помещала известия политические, заграничные и отечественные новости. Редактор г-н Греч довел её до строгой исправности: она всегда выходила в положенное время; но в литературном смысле она не имела никакого определённого тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей её мнения. Она была какая-то корзина, в которую сбрасывал всякий всё, что ему хотелось. Разборы книг, всегда почти благосклонные, писались приятелями, а иногда самими авторами.

— *Такое ощущение, что речь идёт о некоторых современных журналах, напоминающих такую корзину... Но таким образом могли засветиться молодые таланты?*

— В «Северной пчеле» пробовали острогу пера разные незнакомцы, скрывавшиеся под разными буквами, — без сомнения, люди молодые, потому что в статьях выказывалось довольно удачества. Они нападали разве уже на самого беззащитного и круглого сироту... Сущность рецензий состояла в том, чтобы расхвалить книгу и при конце сложить с себя весь грех такой оговоркою: «Впрочем, желательно, чтобы почтенный автор исправил небольшие погрешности относительно языка и слога», или: «Хорошая книга требует хорошего

издания», и тому подобное, за что автор разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастие рецензента. Впрочем, от «Северной пчелы» больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша, её делом было пригласить публику, а судить она представляла самой публике.

— *Но ведь были и другие журналы, с более громкими заявками в названиях, чем «Северная пчела»?*

— Журнал, носивший название «Сына отечества и Северного архива», был почти невидимкою во всё время. О нём никто не говорил, на него никто не ссылался несмотря на то, что он выходил исправно еженедельно и что печатал такую огромную программу на своей обвёртке, какую вряд ли где можно было встретить. В «Сыне отечества» (говорила программа) будет археология, медицина, правоведение, статистика, русская история, всеобщая история, русская словесность, иностранная словесность, наконец, просто словесность, география, этнография, историческая галерея и прочее. Иной ахнет, прочитавши такую ужасную программу, и подумает, что это крупнейшее энциклопедическое издание, когда-либо существовавшее на свете. Ничуть не бывало: выходила худенькая, тоненькая книжечка в три листа, начинавшаяся статьею о каких-нибудь болезнях, которой не читали даже медики. Критическая статья, а тем ещё более живая и современная, не была в нём постоянною. Новости политические были те же сухие факты, взятые из «Северной пчелы», следственно уже всем известные. Помещаемые какие-то оригинальные повести были довольно странны, чрезвычайно коротенькие и совершенно бесцветны. Если попадалось что-нибудь достойное замечания, то оно оставалось незаметным. Имена редакторов, гг. Булгарина и Греча, стояли только на заглавном листке; но с их стороны решительно не было видно никакого участия.

— *А как обстояло дело с литературными газетами?*

— Издавалась в Петербурге в продолжение всего этого времени газета чисто литературная, освобождённая от всяких вторжений наук и важных сведений, не политическая, не статистическая, не энциклопедическая, любительница старого, но при всём том имевшая особенный характер. Название этой газеты: «Литературные прибавления к Инвалиду». В ней помещались лёгонькие повести, беседы деревенских помещиков о литературе... Г-н Воейков был чрезвычайно деятельный ловец и, как рыбак, сидел с удой на берегу, не теряя терпения, хотя на его уду попадалась большею частию мелкая рыба, а большая обрывалась. Г-н Воейков показал в «Литературных прибавлениях» что-то похожее на оппозицию; но оппозиция состояла в лёгких

заметках журнальных промахов, иногда удачной остроте, выраженных отрывисто, в немногих словах, с насмешкою, очень понятною для немногих литераторов, но незаметною для непосвящённых.

— *Существовала ли серьёзная конкуренция между литературными изданиями, как это бывает, например, с политическими газетами и журналами?*

— «Телескоп» в соединении с «Молвою» действовал против «Библиотеки для чтения», но действовал слабо, без постоянства, терпения и необходимого хладнокровия... Очевидно, что силы и средства этих журналов были слишком слабы в отношении к «Библиотеке для чтения», которая была между ними, как слон между мелкими четвероногими. Их бой был слишком неравен, и они, пишется, не приняли в соображение, что «Библиотека для чтения» имела около пяти тысяч подписчиков; что мнения «Библиотеки для чтения» разносились в таких слоях общества, где даже не слышали, существует ли «Телескоп» и «Литературные прибавления»...

— *Выходит, монополия «Библиотеки для чтения» была абсолютной? И никто не роптал?*

— Ропот на такую неслыханную монополию сделался силён. В Москве наконец несколько литераторов решились издавать какой-нибудь свой журнал. Новый журнал нужен был не для публики, то есть для большего числа читателей, но собственно для литераторов, различно притесняемых «Библиотекою». Он был нужен: 1) для тех, которые желали иметь приют для своих мнений, ибо «Библиотека для чтения» не принимала никаких критических статей, если не были они по вкусу главного распорядителя; 2) для тех, которые видели с изумлением, как на их собственные сочинения наложена была рука распорядителя, ибо г-н Сенковский начал уже переправлять, безо всякого разбора лиц, все статьи, отдаваемые в «Библиотеку». Он переправлял статьи военные, исторические, литературные, относящиеся к политической экономии и проч., и всё делал без всякого дурного намерения, даже без всякого отчёта, не руководствуясь никаким чувством надобности или приличия. Он даже приделал свой конец к комедии Фонвизина, не рассмотревши, что она и без того была с концом.

— *А как же «Московский наблюдатель»?*

— В «Московском наблюдателе» тоже не было видно никакой сильной пружины, которая управляла бы ходом всего журнала. Редактор его виден был только на заглавном листке. Имя его было почти неизвестно. Он написал доселе несколько сочинений статистических, имеющих много достоинства, но которых публика чисто литературная не знала вовсе. Литературные мнения его были неизвестны. В этом состояла большая ошибка издателей

«Московского наблюдателя». Они позабыли, что редактор всегда должен быть видным лицом.

— *Разве не против монополии Сенковского был запущен «Московский наблюдатель»?*

— Замечательные статьи, поступавшие в этот журнал, были похожи на оазисы, зеленеющие посреди целого моря песчаных степей. Притом издатели, как кажется, мало имели сведения о том, что нравится и что не нравится публике. Статьи часто хорошие делались скучными потому только, что они тянулись из одного номера в другой с несносною подписью: «продолжение впредь». Вот таков был журнал, долженствовавший бороться с «Библиотекой для чтения». «Наблюдатель» начался оппозиционною статьею г-на Шевырёва о торговле, зародившейся в нашей литературе. В ней автор нападает на торговлю в учёном мире, на всеобщее стремление составить себе доход из литературных занятий.

— *Разве литературные труды не должны были приносить дохода и кормить авторов, их семьи?*

— Статья сия была понятна одним литераторам, нанесла досаду «Библиотеке для чтения», но ничего не дала знать публике, не понимавшей даже, в чём состояло дело. Притом сии нападения были несправедливы, потому что устремлялись на непреложный закон всякого действия. Литература должна была обратиться в торговлю, потому что читатели и потребность чтения увеличилась. Естественное дело, что при этом случае больше выигрывают люди предприимчивые, без большого таланта, ибо во всякой торговле, где покупщики ещё простоваты, выигрывают больше купцы оборотливые и пронирыливые. Должно показать, в чём состоит обман, а не пересчитывать их барыши. Что литератор купил себе доходный дом или пару лошадей, это ещё не беда; дурно то, что часть бедного народа купила худой товар и ещё хвалится своею покупкою. Должно было обратить внимание г-ну Шевырёву на бедных покупателей, а не на продавцов.

— *Нужно признаться, что время, к сожалению, оказалось бессильно перед «оборотливыми и пронирыливыми» литераторами. Они и сейчас преуспевают... Но удалось ли Шевырёву привлечь внимание к проблеме?*

— Выходка «Московского наблюдателя» скользнула по «Библиотеке для чтения», как пуля по толстой коже носорога, от которой даже не чихнуло тучное четвероногое. Выславши эту пулю, «Московский наблюдатель» замолчал, — доказательство, что он не начертил для себя обдуманного плана действий и что решительно не знал, как и с чего начать... Даже множество помещённых в журнале статей ничего не значит, если журнал

не имеет своего мнения и не оказывается в нём направление, хотя даже одностороннее, к какой-нибудь цели. «Телеграф» издавался, кажется, с тем, чтобы испровергнуть обветшалые, заматерелые, почти машинальные мысли тогдашних наших старожил, классиков; «Московский вестник», один из лучших журналов, несмотря на то, что в нём немного было современного движения, издавался с тем, чтобы познакомить публику с замечательнейшими созданиями Европы, раздвинуть круг нашей литературы, доставить нам свежие идеи о писателях всех времён и народов. Здесь не место говорить, в какой степени оба сии журнала выполнили цель свою; по крайней мере, стремление к ней было чувствуемо в них читателями. Но рассмотрите внимательно издававшиеся в последние два года журналы; уловите главную нить каждого из них: сей-то нити и не сыщете. Развернувши их, будете поражены мелкостью предметов, вызвавших толки их. Подумаете, что решительно ни одного важного события не произошло в литературном мире...

— *О чём же писали ваши журналисты?*

— Они говорили о ближайших и любимейших предметах: они говорили о себе, они хвалили в своих журналах собственные свои сочинения; они решительно были заняты только собою, на всё другое они обращали какое-то холодное, бесстрастное внимание. Великое и замечательное было как будто невидимо. Их равнодушная критика обращена была на те предметы, которые почти не заслуживали внимания. Литературное безверие

и литературное невежество. Эти два свойства особенно распространились в последнее время у нас в литературе. Один рецензент роняет тех, которых поднял его противник, и всё это делается без всякого разбора, без всякой идеи. Иное имя бывает обязательно славою своею ссоре двух рецензентов.

— *Но кто-нибудь же должен был говорить о настоящей литературе? Взять хотя бы друзей Пушкина, литераторов...*

— В это время не сказал своих мнений ни Жуковский, ни Крылов, ни князь Вяземский, ни даже те, которые ещё не так давно издавали журналы, имевшие свой голос и показавшие в статьях своих вкус и знание: нужно ли после этого удивляться такому состоянию нашей литературы? Критика, основанная на глубоком вкусе и уме, критика высокого таланта имеет равное достоинство со всяким оригинальным творением: в ней виден разбираемый писатель, в ней виден ещё более сам разбирающий. Критика, начертанная талантом, переживает эфемерность журнального существования. Для истории литературы она неоценима. Наша словесность молода, корифеев её было немного; но для критика мыслящего она представляет целое поле, работу на целые годы.

— *Спустя эти самые годы и десятилетия ловлю себя на том, что могу лишь повторить вслед за классиком: «Наша словесность молода, корифеев её было немного; но для критика мыслящего она представляет целое поле, работу на целые годы». Может, начнём? Ау, критики! Мыслящие!..*